

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ
ARCHIVED PUBLICATIONS, TRANSLATIONS AND ESSAYS

УДК 141.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-3-632-641

**«Твое имя, Боже, славим...»:
теография путешествий Христофора Колумба**

Колесников С.А.

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71

skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. В современных духовно-гуманитарных и культурологических исследованиях проблемы сакрального обоснования географических открытий XV–XVI веков представлены недостаточно полно, учитывая ту роль, которую сыграли эти открытия в истории мировой культуры в определении ключевых векторов развития мировой цивилизации. Целью данного исследования является выяснение обстоятельств, при которых великие географические открытия и прежде всего открытия Христофора Колумба изменили представления о планете, открыли новые возможности для распространения культуры в планетарном масштабе. Для выяснения скрытых культурно-преобразующих потенциалов цивилизации анализируется влияние христианства, христианского способа восприятия мира на динамику и последовательность путешествий Колумба. Исследование проблемы сакрального обоснования географических открытий позволило выявить основные характеристики способов и направлений преобразования открываемого географического мира через особую религиозную топонимию, присвоение открываемым землям имен, связанных с христианской системой ценностей. В ходе анализа выявлено влияние религиозного мировосприятия на развитие знаний о мире. Обоснован тезис о том, что топонимия Колумба была определена его религиозной позицией. Результаты исследования открывают новое теоретическое направление в исследовании проблем религиозной и культурологической оценки географических открытий Колумба и позволяют сделать вывод о продуктивности христианского отношения к миру, выражающейся в расширении горизонтов географических представлений.

Ключевые слова: религиозная топография, христианство и география, открытия Х. Колумба, культурология и религия

Для цитирования: Колесников С.А. 2023. «Твое имя, Боже, славим...»: теография путешествий Христофора Колумба. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(3): 632–641. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-632-641

**"We praise your name, O God...":
The theography of Christopher Columbus' Travels**

Sergey A. Kolesnikov

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russia

skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract. In modern spiritual, humanitarian and cultural studies, the problems of the sacred justification of geographical discoveries of the XV–XVI centuries are not fully presented, given the role played by these discoveries in the history of world culture in determining the key vectors of the development of

world civilization. The purpose of this study is to clarify the circumstances under which the great geographical discoveries and, above all, the discoveries of Christopher Columbus changed the perception of the planet, opened up new opportunities for the spread of culture on a planetary scale. In order to clarify the hidden cultural and transformative potentials of civilization, the influence of Christianity, the Christian way of perceiving the world on the dynamics and sequence of Columbus' travels is analyzed. The study of the problem of the sacred justification of geographical discoveries allowed us to identify the main characteristics of the ways and directions of the transformation of the discovered geographical world through a special religious toponymy, the assignment of names associated with the Christian value system to the discovered lands. The analysis revealed the influence of religious worldview on the development of knowledge about the world. The thesis that Columbus' toponymy was determined by his religious position is substantiated. The results of the study open up a new theoretical direction in the study of the problems of religious and cultural assessment of Columbus' geographical discoveries and allow us to conclude that the productivity of the Christian attitude to the world, expressed in the expansion of the horizons of geographical representations.

Keywords: religious topography, Christianity and geography, discoveries of Columbus, cultural studies and religion

For citation: Kolesnikov S.A. 2023. "We praise your name, O God...": The theography of Christopher Columbus' Travels. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3): 632–641 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-3-632–641

Введение

Важнейшим географическим «результатом» развития христианской культуры в эпоху Великих географических открытий становится преодоление страха нового пространства, страха, столетиями останавливавшего человечество в расширении знания о планетарных просторах. Показательно, что на географических картах за несколько десятилетий до Колумба мыс Нан на западном побережье Африки символизировал невозможность – ведь имя этого мыса переводится как «нет»! – дальнейшего познания. Страна неизвестного «нет» пугала и отталкивала от познания себя, однако этот страх становится преодолимым именно благодаря христианской вере и надежде.

Но еще более важным результатом географического изменения, приносимого христианством, становится не только само открытие новых территорий, но и новое восприятие открываемых земель. Открытие мира целиком давало новое осознание ответственности христианского путешественника за планету в целом; новые права христианского первооткрывателя на территорию, дарованную ему Богом, одновременно подразумевали и качественное усиление ответственности за столь величественный дар. Почва для подобного сакрального отношения к земному пространству была заложена еще крестоносцами, восклицавших во главе с Петром Амьенским: «Deus vult! – Господь желает!», а потому Господь желал открыть новые «Индии» для присоединения их к христианскому миру во время отбытия в 1492 году Колумба из Испании.

Неслучайным является тот факт, что «возвращение из первого путешествия Колумба воспринималось католическими государями как неслыханная милость Провидения» [Ирвинг, 1994, 153]. Сама церемония встречи Колумба была представлена прежде всего как религиозное действо: крестный ход, проходивший под звуки исполняемого королевской капеллой гимна «Твое имя, Боже, славим», торжественное крещение привезенных индейцев, чествование Колумба католическими величествами, кульминацией которого стала совместная молитва, благодарившая Бога за открытие Нового света... Причем подобное понимание открытия Колумба как сакрального события осознавалось не только в самой Испании, но и во всем христианском мире. «При дворе английского короля Генриха VII открытие Колумба провозгласили скорее Божественным, чем человеческим [Ирвинг, 1994, 156]», – и такое ощущение эпохи можно считать преобладающим. Бог открывал новые пространства человеку, и присутствие при этом величественном событии переполняло религиозным пиететом современников Колумба.

Имя и земля

Открытие Колумба придало импульс самой возможности мыслить человечеству в планетарных категориях. Символично, что после открытия Колумба появляются известные буллы папы римского Александра VI Борджиа о разделе Земли по демаркационным линиям между Португалией и Испанией. Впервые человек, наделенный высшей иерархической властью, принимает решение закрепить, распределить, упорядочить земные пространства в соответствии с религиозными представлениями о справедливости. Ведь новооткрытые земли, новые пространства дали человечеству уверенность в своих силах, уверенность, что мир может быть познан человеком. И прежде всего, как милость Божья, была воспринята моряками, в 1434 году под командой Жила Эанниша обогнувших тот самый мыс «Нет» (Нан), сама возможность дальнейшего плавания, дальнейшего открытия пространств мира. А потому и восклицали они: «...плыть под парусами здесь так же легко, как и у нас дома» [Цвейг, 2010, 42], осознав, что Божественные законы действуют везде, что милость Божья не имеет границ. Мир, отринув пугающее «Нет», сказал «Да» человеческому стремлению к новому, стремлению расширить границы Божьего мира.

Успешный проект Колумба позволил с религиозной точки зрения по-новому взглянуть на возможность человечества осваивать новые земли. Ведь с открытием Колумба у христианского сообщества появился уникальный шанс создать новое религиозное пространство, однородное в конфессиональном аспекте, попытаться осуществить идею всеобщего христианского царства с чистого листа. Показательно, что новые земли воспринимались как средство к проявлению милосердия – преступникам, направляемым туда, сокращались сроки наказания или вообще даровалась жизнь, путешественникам, отправляющимся в опасные экспедиции, католическая церковь официально, как некогда крестоносцам, обещала отпущение грехов... И, конечно, необходимо помнить: новые земли воспринимались Колумбом как земной рай, или, по крайней мере, как буквальное преддверие рая.

На этих новых землях и была предпринята попытка создать особое христианское пространство. Основания для такого решения уже были: в Испании, победившей мавров, изгнавших иноверцев со своей государственной территории, широко культивировалась идея возможного построения христианского государства, на территории которого исповедовалась бы только христианская система ценностей. Ведь даже когда Колумб вернулся из первого путешествия, некрещеным индейцам первоначально было запрещено инквизицией касаться испанской земли. Правда, после щедрого вознаграждения – «Адмирал принес одну из золотых масок касика Гуаканагари, перерубил ее пополам, и большую часть вручил инквизиторам» [Coleccion de los documentos..., 18] – этот запрет был снят, но сам принципиальный подход к религиозной чистоте территории показателен. Понятие «чистой христианской земли» присутствовало в сознании современников Колумба, и поиск этой «чистой земли» можно рассматривать как один из импульсов, подвигающих христиан на опасные путешествия.

Этими религиозными мотивами – конечно, не забывая и о коммерческой выгоде, – руководствовался сам Колумб, который писал испанской королевской чете: «И я говорю, что ваши высочества не должны допускать, чтобы вели здесь торговлю чужестранцы; и пусть ноги их не будет на этой земле; пусть разрешен будет доступ сюда только католикам-христианам; ибо целью и основой моего замысла было ради славы христианской религии и ради успешного ее распространения не допускать в эти страны никого, кто не слыл бы добрым христианином» [Путешествия, 1971, 43]. В последующем стремление испанских правителей создать абсолютно христианское пространство поставило заслон на пути в Новый свет «маранам, морискам, лицам, осужденным святой инквизицией, а также сыновьям и внукам лиц, которые как еретики привлекались в прошлом к суду инквизиционного трибунала» [Свет, 1973, 160]. Допускались в новые земли, – по крайней мере, декларировалось это так – лишь чистокровные кастильцы, исповедующие истинную христианскую веру.

И этот «бренд» фиксировался Колумбом с первых шагов по новооткрытым землям.

Знаковым являлось воздвижение креста, крещение земли – именно земли, а еще не людей! – с которого начиналось освоение каждого острова экспедициями Колумба. В дневниковых записях зафиксирован этот принципиальный подход к освящению новых земель: «*Пятница, 16 ноября*. Поскольку везде, в любой стороне, на всех островах и землях, куда вступал адмирал, он водружал кресты, то с этой же целью он направился на лодке ко входу в одну из бухт. На берегу он увидел два огромных бревна разной длины, и лежали они одно на другом, образуя крест, причем корабельный плотник заметил, что трудно было бы расположить эти бревна более удачно. Поклонившись этому кресту, адмирал приказал изготовить из тех же бревен очень большой и очень высокий крест» [Путешествие, 1971, 64]. Земля, был абсолютно уверен Колумб, для того, чтобы обрести статус *terra firma*, «настоящей тверди», должна быть окрещена, обрести сакральное право называться землей, входящей в Божий мир. Потому столь важным для понимания религиозного контекста экспедиций Колумба предстает именование новых земель.

В целом наделение именем воспринимается в христианстве, в соответствии с Библией (Быт., 2:19-20), в качестве главной задачи человека в мире. Именно с названия того или иного явления начинается соработничество человека и Бога, именно с имени начинается первый совместный «проект» по преобразению мира.

Несомненно, феномен имени, сакральная процедура именованья для Колумба как ревностного христианина имело особое значение. Ведь даже свое собственное имя в последние десятилетия Колумб превратит в таинственную криптограмму, которая станет предметом споров многих исследователей. Криптограмма S.S.A.S.X.M.Y., которой подписывался Колумб, имеет на сегодняшний день множество истолкований, само количество которых показывает их гипотетичность. Так, например, С. Э. Морисон считал, что данная криптограмма означает: *Servus Sum Altissimi Salvatoris Xpistos Mariae Yios* – «Я есмь раб высочайшего Спасителя Христа, сына Марии...» [Морисон, 1958, с. 8]. И это еще один аргумент в пользу подтверждения сакрального мироощущения Колумба.

Так, в первом путешествии самый первый открытый остров был назван Сан-Сальвадор – Спаситель. Второй – Санта-Мария-де-ла-Консепсьон, т. е. Святая Дева-Заступница (если перевести приближено к русскому пониманию). Третий и четвертый острова соответственно были названы в честь католических величеств – Фернандиной и Изабеллой. Само сближение имен Спасителя и Девы Марии с одной стороны и имен верховных правителей Испании – с другой позволяют еще раз аргументировать тезис о глубоко религиозном осознании своей миссии Колумбом.

На протяжении всей первой экспедиции сакральное значение имени не ослабевает. Так, морское пространство, пересеченное Колумбом, было названо морем Святой Девы, река на ближайшем острове – рекой Св. Екатерины. Придание пространству христианского имени подразумевало коренное изменение в отношениях между путешественниками и открытым пространством. Теперь пространство, обретшее христианское имя, было «обязано» функционировать по христианским законам веры, надежды и любви, трансформироваться из профанного, языческого, а, следовательно, опасного пространства – в пространство милосердия. Святая Дева как заступница всех обездоленных и Святая Екатерина как символ преодоления языческого искушения образуют своеобразный симбиоз, видимо, выбранный Колумбом именно в силу духовной защиты, в которой особенно нуждалась экспедиция Колумба.

И во втором путешествии подобная религиозная значимость имени не исчезает. Первый остров, открытый в этом путешествии, получил имя Доминика (Воскресение), второй был назван «Гваделупа» в честь Девы Марии Гваделупской, являющейся покровительницей монастыря в Эстремадуре. Остров Монтсеррат был назван Колумбом в честь монастыря в Каталонии, Сан-Мартин – в честь Святого Мартина, отличавшегося милосердием. Далее можно перечислять уже списком: Виргинские острова или Острова Один-

надцати тысяч дев, принявших мученическую гибель от язычников, остров Сан-Хуан-Баутиста, т. е. остров Иоанна Крестителя, остров Евангелист... Христианские имена начинают получать появляющиеся города: так, первый город на острове Испаньоле был назван Сан-Доминго, в честь основателя монашеского ордена доминиканцев.

В третьем путешествии самый первый открытый остров был назван «Тринидат» (Троица): в это название Колумб вкладывал особый мистический смысл, т. к. на острове возвышались три горные вершины, символизирующие, по мысли адмирала, Высшее триединство. Правда, уже в третьем путешествии появляются и имена негативные, отрицательные, как, например, имя Пасть Дракона, данное местности, которая оказалась опасна для испанских моряков.

Вообще можно отметить снижение религиозной символичности в наименованиях новых земель от путешествия к путешествия. Явно здесь сказывается тот самый переход от религиозного рвения Открытия к меркантильной стратегии освоения. В последних путешествиях Колумба религиозно значимые имена встречаются реже, чаще возникают топонимы, призванные зафиксировать конкретные случаи личной биографии Колумба и тех событий, которые происходили во время путешествия. Появляется залив Стрел, где произошла перестрелка с туземцами, Тростниковая река, Зеленая река, река Рио-дель-Оро – Золотая река, названная так из-за обилия золотого песка на ее берегах. Реалиям путешествия обязаны своим возникновением имена бухты Пуэрто-Белто – Прекрасная, бухты Пуэрто-Бастиментос – Продовольственная; залив Ретрете, что означает Чулан, был так назван из-за тупикового положения, в котором оказались моряки; труднодоступный берег получил название – берег Борения...

Кроме того, усилившаяся стратегия освоения приводила к тому, что Колумб, стремясь компенсировать недостаточную рентабельность своего «проекта», начинал компенсировать материальные блага, играя на тщеславии правителей, называя все большее количество территорий именами верховных правителей Испании или членов королевской семьи: сеть островов, названных Сад Королевы, остров Хуана...

Появление таких «земных» имен, видимо, отражает стремление Колумба вписать собственную биографию в сакральный контекст, соединить реалии своего путешествия с религиозным смыслом Открытия. Потому неслучайным становится появление имен, связующих далекие земли с родной Испанией, – остров Испаньола, т. е. по сути повторение Испании, Новая Испания, река – Гвадалквивир и другие. Кстати, как только стихия оборачивается против Колумба, например, после ужасной бури, застигнувшей его корабли в четвертом путешествии, сразу же намечается возврат к религиозной топонимии: мыс, который оказался спасительным для испанских кораблей, получил название Грасьяс-а-Дьос, т. е. Благодарение Богу.

Обращенность к имени, к имени религиозно значимому, – и шире – к Слову! – означало для Колумба обращение к новому духовному пространству, соединяемому с открываемыми новыми географическими пространствами. Потому представляется оправданным говорить о специфике географических, Богоописательных, открытий Колумба, которые являлись для него не менее важными, чем открытия географические.

Географические открытия Колумба

Понять, хотя бы в самых общих чертах, что представлял собой для Колумба Бог, – важная задача, позволяющая по-иному взглянуть на всю мотивацию к открытию Нового как конкретного путешественника, так и эпохи в целом. Идея религиозного осмысления открытия новых пространств пронизывает все первые этапы Нового времени, что ярко, например, отразилось в личности португальского принца Генриха Мореплавателя, получившего такое прозвище только в XIX веке, не совершившего ни одного морского путешествия лично, но всей своей жизнью стремившегося воплотить в реальность религиозное мирооткрытие. Именно эту традицию религиозного отношения к пространству продолжил

Колумб. Концептуальность подобного отношения к миру Колумб, видимо, осознал очень рано, едва ли не с детских лет. Сама атмосфера религиозного пиетета, царящая в Генуе, подвигала к благочестию. В Генуе хранилось значительное количество христианских реликвий, в частности частица Честного Креста, в кафедральном соборе Гении было представлено изумрудное блюдо, из которого Сын Божий ел опресноки, в храме Марии ди Каstellо находился сосуд с млеком Пресвятой Девы, в церкви святого Варфоломея – Благостный Лик, чудотворный образ Христа...

Если попытаться рассмотреть весь процесс подготовки к первому путешествию с теологической точки зрения, то необходимо отметить многоступенчатую богословскую подготовку Колумба. Первому серьезному испытанию его теологические воззрения подверглись на богословском споре в монастыре в Саламанке, где Колумб отвечал своим оппонентам в духе телеологической Александрийской школы, в частности, предлагая аллегорическую экзегезу Священного Писания и призывая отказаться от буквалистского истолкования библейских географических представлений.

Первый опыт создания целостной теологической системы и перенесения ее в географическую сферу будет продолжен Колумбом и в дальнейшем. Несомненным является тот факт, что «Колумб считал свое открытие Божественным откровением, предначертанным нашим Спасителем и пророками» [Ирвинг, 1992, с. 458]. Само достижение новой земли представало для Колумба практическим доказательством его теологических выкладок, красноречивым примером результативности религиозного мировосприятия. «К его размышлениям, – писал В. Ирвинг о теологии Колумба, – примешивалось глубокое религиозное переживание: себя он видел орудием в руке Божьей, избранным из всех людей для исполнения великой цели; в Священном Писании он обнаружил, как он считал, предсказание о грядущем своем открытии, прежде еще символически предреченном пророками. Концы земли надлежало свести воедино, все народы, все языки, все страны – объединить под знаменем Спасителя» [Ирвинг, 1992, с. 25]. Конечно, Колумб не оставил развернутого теологического трактата, однако те фрагменты, в которых он обращается к богословской тематике, свидетельствуют о глубоком религиозном контексте географических открытий Колумба.

Свое призвание совместить географические проекты и теологические идеи Колумб весьма четко осознавал. Кроме того, у Колумба возникает ощущение своего чуть ли не апостолического призвания к крещению новых земель, что и стремился он осуществить в первом путешествии. Обращение к библейскому тексту: «Не бойся, ибо Я – с тобою; не смущайся, ибо Я – Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей» (Ис. 41:10) – красноречиво рисует состояние, в котором укреплял себя Колумб.

Немалое место в теологических изысканиях Колумба занимала и эсхатологическая тематика. Так, достаточно глубоко Колумб рассуждал о сроках конца света, о приближении Страшного суда. По его подсчетам, конец света должен наступить через 155 лет после первого путешествия, но прежде, благодаря золоту, добытому в «Индиях», Иерусалим будет отвоеван у неверных, а Гроб Господень возвращен Святой Церкви. Ведь даже сам год первого путешествия – год семитысячелетнего сотворения мира – воспринимался как год конца мира. Но путешествие Колумба стало реальным доказательством того, что мир не завершен, что жизнь мира продолжается. Практическое путешествие Колумба становилось теологическим действием, свидетельствующем о том, что будущее еще предстоит открыть, что исторические и географические перспективы человечества еще достаточно широки. Мир – религиозный и пространственный – по Колумбу, еще не закончен, еще ждет своего изучения и освоения. Сам Колумб относил конец света к 1666 году, а до этой даты, как глубоко был он уверен, предстоит выполнить еще много христианских задач.

Возможно, самым важным теологическим выводом и одновременно основанием для практического географического поиска Колумба стала идея освобождения Гроба Господ-

ня, которая сопровождала Колумба на протяжении всей жизни. Показательно, что теологические изыскания Колумба давали ему уверенность в том, что освобождение Гроба Господня придет не с Запада, как во времена крестовых походов, а с Востока, т. е. с его появления в Индии с Востока. В богословских заключениях Колумба появляется своеобразная практическая тео-география, с одной стороны, дающая новое видение мира, а с другой, – переосмысливающая священную историю, предлагающая оригинальные действия по ее развитию. Ведь новооткрытые земли, по мнению Колумба, должны были вписать новые страницы в историю взаимоотношений человека и Бога, а потому Новый свет становился в теологическом аспекте для Колумба новым светом, проясняющим отношения человеческого и Божественного.

Уже позднее, оглядываясь назад на совершенное Открытие, Колумб подчеркивал и теологически обосновывал его религиозную значимость: «Чудо явное пожелал содеять Наш Владыка моим плаванием в Индии, дабы утешить меня и небесную свою свиту. Семь лет провел я при королевском дворе, в споре со многими особами, сведущими в разных науках и обладающими авторитетом, и под конец решили они, что все, что я предлагаю, дело пустое, и в этом укоренились. Но затем народилось то, о чем возвестил Наш Искупитель Иисус Христос, а прежде него провидели святые пророки...» [Письмо Христофора Колумба, 1802, с. 286]. Промыслительность своего путешествия очевидна для Колумба, что еще более подчеркивается обнаруженным письмом к испанскому монарху: «Великий Боже! то было делом Твоим: ибо Ты наставил и вел меня к сей великой цели. Умилосердися надо мною и преклони ко мне сердца людей, которые еще любят справедливость и человечество!...» [Письмо Христофора Колумба, 1802, с. 287].

Несомненным для Колумба являлся визионерский характер его географического предназначения. Одно из писем сохранило нам рассказ Колумба о небесном гласе, дошедшего до него 6 апреля 1503 года, в тягостную минуту сомнений: «О глупец, нескорый в делах веры и служении твоему Господу, Владыке всего сущего! Свершил ли Господь больше для Моисея или для слуги своего Давида? С самого рождения твоего не оставлял Он тебя своими заботами. Когда же ты вырос и возмужал, что доставило Ему удовлетворение, Он сделал так, что имя твое стало звучать чудесным образом на земле. Индии – богатейшие части света – Он отдал тебе во владение. Ты разделил их так, как тебе было угодно, и Он дал тебе для этого полномочия. Он дал тебе ключи от заставы Океана, скрепленной мощными цепями, и подчинил тебе много земель, а среди христиан ты приобрел почет и славу... Ты в неверии взываешь о помощи. Ответствуй же, кто причинил тебе столько горестей — Бог или свет? Бог никогда не нарушает своих обетов и не отнимает своих даров. И не говорит после того, как Ему отслужена служба, что иными были Его намерения и что по-иному Он понимает их ныне... И не заставляет терпеть он муки, чтобы проявить свою мощь. Ни одно слово не пропадает даром — а все Им обещанное выполняется с лихвой. Таков Его обычай. Вот что совершил твой Создатель для тебя, и что Он свершает для всех... откинь страх, верь — все эти невзгоды записаны на мраморе и имеют причину» [Путешествия, 1961, с. 456]. Обретение уверенности в вере – важнейшее качество Колумба, позволившее ему добиться осуществления своих географических проектов.

А потому столь религиозно возвышенно, поистине в духе пророческого воззвания звучит письмо Колумба к испанской королеве: «Только Ваше Высочество поверила мне и в этой вере утвердилась. Кто же может сомневаться, что свет этот воссиял в ее душе от Духа Святого в той же мере, как и от меня, и что Дух Святой чудотворным сиянием своим сподобил Вас познать истину? А истина эта, высочайшая и светлейшая, содержится в сорока четырех книгах Ветхого завета, и в четырех Евангелиях, и двадцати трех посланиях святейших апостолов, и Вы вдохнули в меня жизнь, снарядив меня в путь, и с тех пор меня ободряете непрерывно» [Письмо Христофора Колумба, 1802, с. 287]. Теологически основанная вера, приведшая имя Христа в Новый свет, – вот что осознавалось Колумбом как основной импульс в преодолении всех препятствий.

Но не только Христоносцем, но и воином Христовым ощущал себя Колумб, уже самые первые шаги Колумба по землям Нового света определяются осознанием себя принадлежащим к воинству Христову. Стремление предстать истинным воином Христа приводит Колумба к обету, согласно которому он обещал за первые семь лет снарядить армию их 4 000 всадников и 50 000 пехотинцев, а за пять последующих – еще одну такую армию для освобождения Гроба господня. Идея вернуть Гроб Господень и затем перенести его в Новый свет и есть то религиозное основание, во имя которого Колумб и желал совершать открытия новых земель. В письме папе римскому Александру IV в 1502 году, в иных дошедших до нас документах Колумб постоянно акцентирует «желание вызволить Дом Святой и отдать его Святой Церкви...» [Raccolta, 1893]. Для этого он организует свои финансовые потоки таким образом, чтобы они аккумулировались в банке Св. Григория в Генуе (показательно, что именно в Генуе, а не в Испании), чтобы на эти деньги организовать поход за Гробом Господнем, однозначное требование чего он внес в текст первого завещания, причем сделал это таким образом, чтобы духовник имел возможность проконтролировать выполнение воли даже после смерти Колумба.

Религиозное воительство предстало для Колумба, по крайней мере в начале его открытий, как важнейший повод к преодолению пространства. Война с вне-христианским пространством, одоление этого пространства очевидно может рассматриваться как один из импульсов к первооткрытиям. Показательно, что первое золото, поступившее от открытий Колумба, было использовано для золочения сводов в Сарагосе – дворце мавританских королей. Символическая связь между войнами против врагов христианства на Пиренеях и против враждебного христианству пространства Нового света очевидна в этом символическом жесте: золото, добытое в новообращенных землях, органично входит в контекст победы над анти-христианством во всем мире. Тем самым само открытие Колумба может восприниматься как включенная в мировую – даже метафизическую! – войну христианства против врагов и врага рода человеческого. Само состояние духовной брани являлось для Колумба важным, практически результативным состоянием, способствующим реальным географическим открытиям. И пусть поход к Гробу Господню на доходы от открытий Колумба так и не был организован, пусть король Фердинанд посчитал более «рентабельным» не отвоевывать Гроб Господень, а заключить соглашение с египетским султаном, но открытие Нового света во многом произошло из-за духовно-религиозной позиции Колумба, осознававшего себя как одного из воителей Христовых.

Религиозным воительством Колумба не ограничивается спектр его теологического праксиса. Вся теология Колумба носила не только умозрительный характер, но и воплощалась в реальной практике – в чем можно увидеть актуальнейший урок для современности. И ярче всего этот праксис обнаруживается при обращении к религиозной специфике путешествий Колумба.

Примечательный факт, казалось бы, приводящий в сомнение относительно высоких религиозных устремлений Колумба: в его первой экспедиции не было ни одного монаха или священника. Однако в этом факте можно увидеть и иную сторону – Колумб так выстроил распорядок дня на кораблях первой экспедиции, что каждый член команды оказывался вовлеченным поистине в монастырскую атмосферу, преображался в «монаха», самим своим участием в деле, угодном Богу, совершая акт религиозного подвижничества. Устав, действующий на кораблях Колумба, напрямую соотносим с монастырским: «На каждом корабле юнга должен был встречать утреннюю зарю песней, начинавшейся так: «Благословен будь свет дневной, Благословен будь крест святой». После чего он читал «Отче наш» и «Аве Мария» и просил благословения команде. С заходом солнца, перед ночной вахтой, все матросы вызывались на вечернюю молитву. Церемония начиналась с того, что юнга зажигал лампу нактоуза и пел: «Дай нам, господь, доброй ночи, Доброго плавания дай кораблю. И капитану, и всей корабельной команде». Потом все матросы пели «Отче наш», «Верую» и «Аве Мария», в заключение исполнялась «Сальве Регина»»

[Путешествие, 1961, с. 85]. И пусть матросы искажали «без пощады мелодию» и «перевирали торжественную латынь», но от этого сам глубоко религиозный смысл их путешествия не исчезал.

Ощущение своего путешествия как находящегося в особой благодати Божьей пронизывает все мировосприятие Колумба. В целом духовно-психологическая ситуация на кораблях Колумба, постоянное нахождение экипажа в пограничных ситуациях, на грани возможной гибели, требовали постоянной духовной крепости, уверенности, что только личное благочестие и благочестие капитана способно спасти жизнь. Показательно поведение экипажа и Колумба в эпизодах жесточайших бурь, когда буквально смерть уже казалась рядом. Страх Божий как христианская добродетель не покидала Колумба. В дневниковых записях зафиксировано: «Адмирал имел большое желание доставить столь великие вести и доказать тем самым, что он был прав, когда говорил о [будущих] открытиях и их предсказывал. Но величайший страх внушала ему мысль, что он не завершит [свое дело] и что любой комар, как он говорит, может ему повредить и помешать... Страх этот адмирал приписывает своему маловерию и тому, что ослабла у него вера в Божественное провидение... и Бог удовлетворил желания адмирала, ибо после того как в Кастилии были преодолены многочисленные препоны и помехи в его делах и положен конец им и с помощью божьей налажено все это предприятие, и Бог, вняв адмиралу, дал ему все, что тот у него просил, можно было надеяться, что дарует господь и сейчас завершение начатого и доставит адмирала в сохранности [в Кастилию]... Бог, существующий извечно, дал ему силу и мужество, чтобы устоять против всех» [Путешествия, 1961, 99]. Развернутая цитата характеризует духовное и душевное состояние Колумба, а главное – показывает процесс преодоления слабости именно благодаря укреплению веры, достижение практического результата из-за уверенности в своей религиозной правоте.

Практическая результативность теологических воззрений нашла свое отражение в принятии обетов, призванных доказать верность христианскому учению. Можно вспомнить тот самый выбор жребия, который происходил во время бури, когда корабль Колумба возвращался в Испанию: именно Адмиралу дважды выпадает помеченный крестом боб, означавший необходимость совершить паломничество к Святой Деве Марии Гваделупской, поставить свечу весом в 5 фунтов. И уже на земле, после возвращения, изумленные жители наблюдали величественную в своем смирении процессию моряков Колумба, шествующих босиком, в одних рубашках к часовне Девы Марии...

И как теологический вывод выглядит финал дневника первого путешествия, приведенный Лас Касасом: «И верит он (Колумб) убежденно и безраздельно, не допуская никаких сомнений, и твердо знает: Бог творит одно только благо, и все на земле, исключая греха, есть благо, и нельзя себе ни вообразить, ни помыслить что-либо без Всевышней на то воли» [Путешествия, 1961, 102].

События, происходящие после первого путешествия, могут также рассматриваться как воплощение теологических воззрений Колумба в практическую сферу. Именно священнослужителю, архидьякону Севильи Хуану Родригесу де Фонсеке, было дано поручение наладить регулярное сообщение с Новым Светом, тем самым, очевидно, признана необходимость установления связи с Новым светом в религиозном контексте. Кроме того, была четко осознана задача христианизации новых земель, а потому уже во второй экспедиции Колумба было 12 проповедников, во главе – монах-бенедиктинец Бернардо Бойль, назначенный апостолическим викарием Нового Света. По сути, можно говорить, что благодаря открытиям Колумба, практически была возрождена апостолическая традиция преобразования мира. Конечно, реальные события, негативный формат стратегии освоения внес свои коррективы – через непродолжительное время Бойль захватывает корабли без согласования с Колумбом и бежит в Испанию, но сам первоимпульс весьма показателен.

Восприятие всей своей жизни как сакрального действия, осознание себя в качестве призванного выполнить религиозный долг – таков итог самооценки Колумба. Его мас-

штабные религиозные проекты освобождения Гроба Господня, перенесения Гроба Господня в Новый свет, практические действия по христианизации новооткрытых земель, теологические разработки, визионерский опыт – все это укладывается в единый спектр христианских задач, выполнению которых посвятил свой земной путь Адмирал Моря-Океана. В своем завещании Колумб писал: «Именно меня Бог удостоил откровения, указав мне, где следует искать новое небо и новую землю, ту, что Господь предвестил устами Иоанна в его Апокалипсисе, ту самую, о которой еще прежде поминал Исая» [Элиаде, 2-22, с. 156]. И эта уверенность в исполнении своего христианского долга звучит в последних словах Колумба: «В руки твои, Господи, предаю душу свою!».

Великий путешественник, отважный капитан и смиренный христианин – таким предстает Колумб для нас. Сохранение дара веры и способность воплотить этот дар в реальные результаты есть важнейший урок Колумба для нашей современности.

Список источников

- Ирвинг В. 1992. Жизнь и путешествия Христофора Колумба. Харьков, Око, 608 с.
Морисон С.Э. 1958. Христофор Колумб, мореплаватель. Перевод с англ. Н.В. Банникова. (Christopher Columbus mariner. By Samuel Eliot Morison. Boston-Toronto, 1955). М., Издательство иностранной литературы, 216 с.
Письмо Христофора Колумба к Гишпанскому Королю, недавно найденное, 1802. Вестник Европы. Часть 4. № 16. С. 282–286.
Путешествия Христофора Колумба. 1961. Дневники, письма, документы. Пер. с исп. Я.М. Света. М.: Географгиз, 515 с.
Свет Я. М. 1973. Колумб. М., Молодая гвардия, 368 с.
Цвейг С. Подвиг Магеллана. Человек и его деяние; Америго. Повесть об одной исторической ошибке. 2010. М.: АСТ, 380 с.
Raccolta di documenti e studi colombiane, pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana pel quarto centenario dalla scoperta dell'America, P. I–VI, 1892–1896. Roma. P. I, v. II.
Coleccion de los documentos ineditos relativos al descubrimiento, conquista y organisation de las antiguas posesiones espanolas de Ultramar, Vol. 1–25, Madrid.

Список литературы

References

- Элиаде М. 2002. История веры и религиозных идей. М., Критерион, 352
Eliade M. 2002. Istoriya very i religioznyh idej [The history of faith and religious ideas]. Moscow, Publ. Kriterion, 352 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.11.2022

Поступила после рецензирования 28.02.2023

Принята к публикации 30.08.2023

Received November 28, 2022

Revised February 28, 2023

Accepted August 30, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью), профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of Vice-Rector for Research at Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary focus), Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia